

Нин Си удивился, что Сун Ицзэ согласился так быстро.

Он-то настраивался на долгие уговоры и готовился взять этого молчаливого парня измором, а тот неожиданно уступил без единого возражения.

— Лавки с завтраками обычно на улице перед Первой старшей, — ровным голосом произнёс Сун Ицзэ. — Если хочешь пряную лепёшку, стоит поискать там.

— А, отлично, — Нин Си мазнул взглядом по экрану телефона. — Тогда пойдём сейчас, нам ведь ещё в школу возвращаться.

Сун Ицзэ коротко кивнул.

Утро вступало в свои права, и солнце поднималось всё выше. Вчерашний ночной дождь будто смыл без остатка всю пыль и клочковатые тучи, оставив после себя безупречную лазурь безоблачного неба.

К Первой старшей можно было срезать через старый жилой квартал, но у Сун Ицзэ, похоже, имелись кое-какие дела, так что они сделали небольшой крюк через парк.

Парк, связывавший два соседних микрорайона, не отличался особым размахом, зато радовал ухоженными аллеями и ровным асфальтом, по которому с грохотом носилась на скейтбордах детвора.

Нин Си откровенно скучал. Пользуясь тем, что они идут плечом к плечу, он решил провести «разведку боем» и вальяжно поинтересовался:

— Ицзэ, какие планы на каникулы?

Солнечный свет упал на лицо Сун Ицзэ. Тень от козырька кепки заслонила верхнюю часть лица, придав его строгим бровям и холодному взгляду хоть какие-то краски:

— Дополнительные занятия, чтение, тесты.

Нин Си опешил:

— И... вообще ничего больше? Ну там, сгонять куда-нибудь, развлечься?

— Пока ничего не планировал, — отозвался Ицзэ.

Нин Си едва не поперхнулся. Он отчётливо помнил своё последнее лето перед окончанием школы: хоть дни и были забиты курсами под завязку, они с друзьями всё равно ухитрялись вырваться на природу или хотя бы собраться на ночные шашлыки.

Как можно загнать себя исключительно в рамки учёбы?

— Да ладно тебе, не поверю, что никто не зовёт прогуляться, — не унимался Нин Си.

— Я редко соглашаюсь, — спокойным тоном ответил Сун Ицзэ. — Подобные вещи нельзя назвать планами. Чужие приглашения отнимают время, а я предпочитаю контролировать свой график.

Нин Си даже сказать на это было нечего. Учиться — дело благое, спору нет, но превращаться в ходячий задачник — это уже за гранью.

Солнце припекало всё сильнее, в горле пересохло, а к голове подступила лёгкая дурнота.

Уловив затянувшуюся паузу, Сун Ицзэ добавил:

— В следующем семестре я участвую в олимпиаде по физике. Нужна серьёзная подготовка.

— Понятно... — у Нин Си пропало всякое желание спорить, но он всё же вытянул из себя вопрос: — А что с нашей учебной группой?

— По правилам школы нужно отмечать посещаемость, сверять домашние задания и контролировать друг друга. Выберем время, когда все свободны, и будем заниматься в библиотеке.

Чётко, логично, не поспоришь.

Дневной зной становился душным и липким. Вчерашнее недомогание от кондиционера, проявившееся заложенным носом, под палящими лучами вспыхнуло с новой силой. Голова наливалась свинцом, в висках тяжело пульсировало.

Нин Си мотнул головой, пытаясь сбросить пелену дурноты. До чего же хилое ему досталось тело!

Сун Ицзэ неожиданно замер на месте: развязался шнурок. Он окликнул спутника и нагнулся, чтобы завязать его.

Но Нин Си его не услышал.

То ли из-за пропущенного завтрака, то ли из-за жары внутренности скрутило спазмом. Нин Си вяло переставлял ватные ноги; в ушах тонко зазвенело, заглушая окружающие звуки.

И именно в этот миг с горки на бешеной скорости вылетел скейтбордист, несущийся прямо на него.

Нин Си не успел сообразить, что происходит — лишь сквозь звон в ушах донёсся чей-то отчаянный вопль.

Он поднял глаза слишком поздно: скейтер и его доска уже оказались в сантиметре от него. Тяжёлый удар сбил его с ног и по инерции отбросил на метр вперёд.

Грохот!

Он проехался телом по жёсткому асфальту.

Руки, бёдра и поясницу прошила вспышка острой боли. Кое-как упёршись сбитыми ладонями в землю, Нин Си приподнялся и опустил взгляд: едва затянувшиеся порезы на предплечье снова лопнули, сочась кровью.

«Хоть лицо целым осталось», — пронеслась вялая мысль.

В голове окончательно помутнело. Нин Си с трудом поднял веки, намереваясь рассмотреть, какой идиот сбил его с ног.

Но едва их взгляды пересеклись, Нин Си замер, словно поражённый громом.

Парень на скейте выглядел их ровесником: майка без рукавов, затейливая татуировка, змеящаяся по предплечью к самой ключице, пирсинг в носу и целый ряд сережек в ушах — законченный образ отбитого хулигана.

Он явно был Альфой: резкие, хищные черты лица, тяжёлые надбровные дуги и исходящая от него ядовитая агрессия.

Заметив, кого именно он сбил, парень даже не подумал изобразить сочувствие — его лицо исказилось откровенным отвращением, а во взгляде вспыхнула ярость:

— Сука, опять ты!

Нин Си обдало ледяным холодом.

Внутренности сковал животный, панический страх — липкий, чужеродный, но при этом до боли знакомый, поднявшийся из самых глубин этого тела.

Перед ним стоял человек — одновременно незнакомый и выжженный в памяти калёным железом.

«Он знает меня».

Нин Си оцепенел. В голове не осталось ни единой мысли. Он мог лишь беспомощно смотреть, как этот Альфа исходит презрением.

Кто он такой?

Что вообще происходит?

— Нин Си!

Голос Сун Ицзэ прорезал пелену ступора, возвращая мысли в реальность.

Ицзэ подскочил к нему, с тревогой отмечая и ссадины, и бледность, и дикий, загнанный взгляд Нин Си.

Альфа-скейтер, увидав подход Сун Ицзэ, лишь раздражённо цокнул языком. Подхватив с земли доску, он вознамерился убраться восвояси.

— Эй.

Парень обернулся. Возле Нин Си стоял Сун Ицзэ, смеривая его ледяным взглядом.

Аура Ицзэ — тяжёлая, сдержанная и давящая — веяла угрозой. В его светлых глазах плескалась холодная ярость, а низкий голос прозвучал сухим приговором:

— Сбил человека и решил просто смыться?

От этого тона Альфу передёрнуло. Скейтбордист развернулся всем корпусом, с ненавистью впиваясь взглядом в этого правильного, холёного отличника.

Летний зной и без того распалял нервы, а после бешеной езды держать феромоны под контролем казалось невыполнимой задачей.

Феромоны Альфы хлынули наружу. Ощувив эту тяжелую волну, Нин Си мелкой дрожью забился на земле.

Сун Ицзэ насупился. В тот же миг воздух прорезала морозная, чистая свежесть древесных нот, глухо задавившая чужие феромоны.

Парня ошарашило мощное давящее присутствие противника. Поняв, что перед ним опасный соперник, он сжал зубы и сквозь силу прорычал:

— Чего тебе надо?

— Извинись, — отчеканил Сун Ицзэ.

Альфа горько хмыкнул, будто услышал глупейшую шутку:

— Извиниться? Я вопил: «Посторонись!». Он сам встал как вкопанный, вот и получил!

Такая наглость окончательно вывела Ицзэ из себя. Взаимное отторжение двух Альф, накладывающееся на агрессивную вонь феромонов и вид израненного Омеги, упрямо отказывающегося от банальной человечности, не оставляло места для компромисса.

Лицо Сун Ицзэ сделалось каменным. Он выпрямился во весь рост, сверху вниз смотря на нахала.

Свежий аспект уда — обычно сдержанный и чистый — обратился давящей, свинцовой лавиной, от которой даже посреди палящего зноя пробирал мороз.

Скейтер невольно подался назад, готовясь к тому, что этот парень сейчас переломает ему кости.

Но в этот момент ледяные пальцы Нин Си судорожно вцепились в запястье Сун Ицзэ.

Ощувив это отчаянное прикосновение, Ицзэ опустил взгляд: Нин Си сидел на асфальте, залитый холодным потом, и умоляюще качал головой.

Нин Си и сам не понимал, что делает.

Он не мог объяснить, зачем схватил Сун Ицзэ за руку, почему качает головой и откуда в нём силы произнести эти слова:

—...Не надо извинений. Пускай уходит.

Где-то в глубине души закипело глухое, удушливое раскаяние. Один лишь вид этого Альфы пробуждал в теле невыносимый стыд и чувство вины.

Инстинкты чужой плоти полностью растоптали разум. Голос Нин Си сорвался на беспомощный шёпот:

— Отпусти его... Пожалуйста...

Скейтер, услышав это, презрительно сплюнул.

Сун Ицзэ хоть и не понял этой внезапной капитуляции, но допытываться не стал — Нин Си выглядел настолько затравленным, что продолжать разборки было бы безумием.

Пришлось уступить.

Альфа со скейтом мазнул по Ицзэ злобным взглядом, тихо осклабился сквозь зубы ругательством, а затем перевёл взор на Нин Си. Нахмуренные брови не разгладились, но во взгляде мелькнуло странное, сложное чувство, которому трудно было подобрать название.

Спустя секунду он отвернулся, вскочил на доску и помчался прочь по аллее.

Наконец-то ушёл.

Напряжение спало, и тело Нин Си налилось тяжестью. Сердце колотилось в рёбра, словно запертая птица, в груди не хватало воздуха.

Прежний Нин Си — настоящий хозяин этого тела из романа — совершенно точно знал этого парня.

И знал не просто так: их связывала старая, глубокая вражда.

Увидев, до чего бледным стал Нин Си, Сун Ицзэ опустился рядом с ним на корточки:

— Ты напуган?

— Ничего я не... — автоматически огрызнулся Нин Си, но вовремя спохватился и, сглотнув, тихо исправился: — ...Да. До смерти напуган.

Он жадно глотнул воздуха, пытаясь вернуть контроль над разумом.

Но память чужого тела продолжала штормить сознание. Нин Си опустил взгляд и заметил, что его пальцы мелко трясутся.

Дрожащая рука была измазана сочащейся кровью — жалкое зрелище. На колене красовался свежий сдранный слой кожи, хотя старые ссадины ещё даже не успели зажить.

Вдобавок ко всему, голова раскалывалась.

Да уж, ситуация проще некуда.

Полнейший кошмар.

Нин Си посмотрел на стоящего рядом Сун Ицзэ и сокрушённо вздохнул: неужели и пары дней нельзя прожить без травм?

— Ты знаешь того Альфу? — тихо спросил Сун Ицзэ.

Нин Си и сам рад бы знать ответ на этот вопрос.

Поняв, что затронул не ту тему, Сун Ицзэ опустился на одно колено и негромко спросил:

— Больно?

«Спрашиваешь ещё! Сам попробуй асфальт коленями посчитать!» — пронеслось в голове у Нин Си.

— У тебя голос гнусавит, — мягко заметил Ицзэ. — Простыл?

Нин Си потёр нос. Дурнота могла быть следствием как вчерашнего кондиционера, работавшего на максимум, так и сегодняшнего перегрева на солнце.

Видя, что тот лишь вяло хлопает ресницами и погружён в себя, Сун Ицзэ вздохнул.

Асфальт под ними раскалился так, что сидеть на нём дальше становилось невмоготу.

Нин Си размышлял, какая фраза звучит органичнее: «Больно... Ицзэ, поможешь встать?» или «Подними меня, у меня ноги ватные» — надо же использовать шанс для невинного телесного контакта, чтобы подкопить немного удачи!

Но парень опередил его. Его голос прозвучал обманчиво ровно, однако от самого вопроса у

Нин Си отвисла челюсть:

— Тебя поднести?

<http://bllate.org/book/20373/2188739>